ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 12 | 2025. Volume 18. Issue 12
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Функции прозвищ в произведениях Максима Горького

Тростина М. А., Степин С. Н., Артемьев А. С.

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу ономастического пространства в произведениях Максима Горького на материале ключевых произведений писателя, созданных в разные периоды творчества. Цель работы – выявление семантики и функций прозвищ, их роли в создании художественного образа в творчестве Максима Горького. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые литературные антропонимы в творчестве Максима Горького рассматриваются как многоаспектный лингвопоэтический феномен, играющий ключевую роль в построении художественного мира и системы персонажей. В результате установлено, что, во-первых, прозвище у Горького часто выступает доминирующим идентификатором героя, вытесняющим его настоящее имя и подчеркивающим его «природную» или социальную сущность. Во-вторых, прозвища представляют собой важный элемент поэтики писателя, выполняющий ряд значимых функций: характерологическую, оценочную, социально-маркирующую, описательную и сюжетообразующую. В-третьих, прозвища не только заменяют антропонимы, но и становятся концентрированным выражением сущности героя, ярким детализирующим средством в рамках горьковского стиля.

EN

Functions of nicknames in the works of Maxim Gorky

M. A. Trostina, S. N. Stepin, A. S. Artemyev

Abstract. The article is devoted to the complex analysis of onomastic space in Maxim Gorky's writings using the material of the writer's key works created in different periods of his creative life. The aim of the paper is to identify the semantics and functions of nicknames, their role in creating an artistic image in Maxim Gorky's work. The scientific novelty of the research lies in the fact that it is the first time that literary anthroponyms in Maxim Gorky's works are considered as a multifaceted linguistic and poetic phenomenon that plays a key role in the construction of the fictional world and the system of characters. As a result, it has been identified that, firstly, Gorky's nicknames often serve as a dominant identifier of a character, replacing their real name and emphasizing their "natural" or social essence. Secondly, nicknames are an important element of the writer's poetics, performing a range of significant functions, including characterization, evaluation, social marking, description, and plot development. Thirdly, nicknames not only replace anthroponyms but also represent a concentrated expression of a character's essence, serving as a vivid means of characterization within Gorky's style.

Введение

Творчество Максима Горького, ставшее одним из символов переломной эпохи в русской литературе, неизменно привлекает внимание исследователей глубиной социальных и философских обобщений. Однако художественное своеобразие его прозы раскрывается не только в масштабных идеях, но и в деталях, среди которых особое место занимает система именования персонажей. Прозвища, будучи важнейшим элементом поэтики писателя, служат многофункциональным инструментом, раскрывающим сущность горьковского мира. Изучение этого приема представляется особенно актуальным, так как оно позволяет перейти от общего анализа тем и характеров к тонкому пониманию художественного мастерства Горького-реалиста. В условиях возрождающегося научного интереса к поэтике Горького анализ функционирования прозвищ открывает новые перспективы для понимания художественного мира писателя, особенностей его стиля и специфики творческого метода.

Ключевыми задачами настоящего исследования стали следующие:

- выявить и классифицировать прозвища персонажей в выбранных произведениях;
- разработать и применить на практике многоуровневую классификацию прозвищ;
- проанализировать художественные функции каждого типа прозвищ в структуре произведения;
- проследить, как система прозвищ связана с ключевыми принципами поэтики Горького.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250704

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Материалом статьи послужили романы Максима Горького «Городок Окуров», «Дело Артамоновых», «Жизнь Клима Самгина», «Фома Гордеев», «Трое»; повести «Детство», «Мои университеты»; рассказы и очерки «Бывшие люди», «Васька Красный», «Горемыка Павел», «Зрители», «Кирилка», «Каин и Артем», «Ошибка», «Рассказ о необыкновенном», «Роман», «Отшельник», «Ледоход», «Нилушка», «Пожар».

Проведенное исследование функций прозвищ в произведениях М. Горького базируется на комплексной методологической основе, объединяющей традиционные филологические подходы с современными междисциплинарными методиками. Такой синтетический подход позволяет рассматривать феномен прозвища в многоаспектной перспективе, учитывая его лингвистическую природу, литературные функции и культурно-исторический контекст. Ключевыми методами исследования стали: системно-структурный метод, позволивший рассмотреть литературные антропонимы как целостную систему; сравнительно-типологический метод, с помощью которого были выявлены типологические особенности прозвищ персонажей в разных литературных произведениях; метод целостного анализа художественного произведения, в ходе которого антропонимы были проанализированы во взаимосвязи со всеми элементами текста: сюжетом, композицией, персонажами, темой, идеей, стилем и авторским замыслом.

Теоретическую базу исследования составили труды таких ученых, как Б. А. Бялик (1939), Б. В. Михайловский и Е. Б. Тагер (1969), заложивших основу для анализа системы образов, стиля и языка М. Горького; работы В. А. Никонова (1974), М. В. Горбаневского (1987), С. И. Зинина (2010), О. И. Фоняковой (1990), обстоятельно разработавших проблему функционирования имен собственных в художественном тексте (литературная антропонимика), а также современных исследователей, посвященные анализу системы имен персонажей у разных писателей (Азрямова, Иващенко, 2022; Биктирякова, 2020; Горлова, 2019; Комлева, 2021; Курячая, 2012; Скуридина, 2020).

Отдельные аспекты проблемы функционирования прозвищ в творчестве М. Горького нашли отражение в трудах С. Касторского (1955), посвященных портретной технике писателя, Б. В. Михайловского и Е. Б. Тагера (1969), которые исследовали особенности его языка и стиля. К этой теме также обращались современные горьковеды: С. М. Пронченко (2014) рассмотрел типологию собственных имен и их функций в цикле «Сказки об Италии», О. С. Крюкова (2023) описала доминанты русской национальной идентичности в романе «Жизнь Клима Самгина», Н. С. Сазонова (2017) провела анализ фольклорных элементов в рассказах писателя. Однако в существующих исследованиях прозвища рассматривались фрагментарно, преимущественно в контексте анализа отдельных произведений или общих вопросов поэтики.

Теоретическая значимость заключается в следующем: проведенное исследование вносит вклад в изучение роли собственных имен в художественном тексте. Предложенная многоаспектная классификация прозвищ по способам образования, семантике и функциям может служить моделью для анализа антропонимического пространства в творчестве других писателей.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных творчеству Максима Горького, отдельным вопросам идиостиля.

Обсуждение и результаты

В творчестве М. Горького явную доминанту в создании художественного образа часто играют не собственные имена персонажей, а их прозвища. В отличие от имен, чья роль в основном ограничивается номинацией, прозвища в произведениях Горького реализуют комплекс функций, выходящих за рамки простого именования. Например, суконщик Помялов, персонаж пьесы «Дело Артамоновых», имеет прозвище **Вдовый Таракан**. Оно состоит из двух частей: первая (Вдовый) указывает на семейное положение персонажа, вторая (Таракан) характеризует самого героя, его внешний вид, особенности поведения: «суетливый сластолюбец, любитель злых слов, человек рябой и безобразный» (Горький, 1976, с. 311). Таким образом, прозвище выполняет характеризующую и описательную функции. При этом номинативная функция в романе преимущественно возложена на фамилию персонажа.

В ходе исследования были выявлены следующие типы прозвищ литературных героев в произведениях Горького.

1. Прозвища, указывающие на особенности поведения именуемого лица. Данный тип прозвищ выполняет характерологическую функцию.

Так, прозвище **Шалый** чрезвычайно точно подчеркивает характер Игната Матвеевича Гордеева. Автор описывает персонажа как человека, наделенного жадностью, буйством и смирением – качествами, которые, на первый взгляд, кажутся несовместимыми. Эту особенность творческого метода Горького отметил Е. Б. Тагер: «Нередко горьковский портрет складывается из деталей резко противоречивых, трудно согласуемых друг с другом, строится на причудливых и неожиданных ракурсах» (1964, с. 79). Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова, слово «шалый» обозначает «неуравновешенный, сумасбродный» (1986, с. 773). Именно неуравновешенность, непостоянство поступков и стремлений стали поводом для возникновения прозвища, поскольку жизнь героя «не текла ровно, по прямому руслу, как у других людей, ему подобных, а то и дело, мятежно вскипая, бросалась вон из колеи, в стороны от наживы, главной цели существования» (Горький, 1987е, с. 311).

Сходные черты характера можно наблюдать и у обладателя прозвища **Бесшабашный** Якова Лунева (роман «Трое»): «Красавец и силач Яков, еще будучи подростком, приобрел прозвище Бесшабашного, а ко времени смерти отца стал первым кутилой и буяном во всей округе» (Горький, 1987е, с. 246). Однако это прозвище

не единственное для Якова: товарищи по школе называли его Бараном, указывая на рассеянность и неспособность к учебе (Горький, 1987e, с. 262).

Многие прозвища горьковских героев возникли под влиянием народно-анималистических представлений, переносящих качества животных на человека. Так, в автобиографической повести Горького «Детство» упоминается мальчик лет восьми, сын кладбищенского сторожа и могильщика, который получил прозвище **Язь** за свою молчаливость: «молчалив, как рыба» (Горький, 1984, с. 160). Здесь же фигурирует персонаж по имени Кузька, приказчик с прозвищем **Жучок** (Горький, 1984, с. 349). Автор описывает его как маленького, подвижного и проворного человека, что и стало поводом для сравнения с жуком.

Особой выразительностью отличаются прозвища-эпитеты. Такие наименования автор в основном оставляет без подробного объяснения их происхождения, так как они уже сами собой выступают емкой характеристикой обладателя. Например, городской голова Яков Житейкин из романа «Дело Артамоновых», которого автор описывает как человека, «сделанного как бы из сырого теста» (Горький, 1976, с. 369), носит символичное и самоочевидное прозвище **Недожаренный**. В рассказе «Ошибка» один из персонажей, именуемый **Минорным**, демонстрирует настолько яркий и выразительный характер, что писатель считает лишним упомянуть имя и фамилию своего героя. Похожее рассуждение встречается в рассказе «Кирилка»: «Среди людей часто встречаются такие сложные существа, которых как ни назови – все будет в пору, лишь имя человека к ним нейдет» (Горький, 1987d, с. 170).

Прозвища горьковских персонажей не всегда носят негативную окраску, иногда они подчеркивают положительные черты героя. К примеру, в романе «Дело Артамоновых» старик Серафим получил прозвище **Утешитель**, так как был известен своей добротой к другим людям. Автор отмечает, что «в этом прозвище правды было больше, чем насмешки, а насмешка звучала ласково» (Горький, 1976, с. 312).

2. Прозвища, указывающие на внешние и/или физические характеристики именуемого лица. Данный тип прозвищ выполняет описательную функцию.

В произведениях М. Горького как главные, так и второстепенные персонажи часто наделяются запоминающейся деталью. Учитель русского языка и географии из романа «Жизнь Клима Самгина» получает прозвище **Недоделанный**, «потому что левое ухо старика было меньше правого, хотя настолько незаметно, что, даже когда Климу указали на это, он не сразу убедился в разномерности ушей учителя» (Горький, 1987a, с. 86). Прозвище имеет явно негативную окраску, хотя сами ученики, придумавшие его, любят уроки этого учителя. В то же время сам Клим считает Недоделанного глупым и злым, что демонстрирует субъективность восприятия физического недостатка.

Персонаж рассказа «Зрители» **Сушеный бык**, ломовой извозчик, представлен как «костлявый великан». В основе прозвища лежит сопоставление с быком, подчеркивающее силу и выносливость, а определение «сушеный» создает контраст, визуализируя худобу и жилистость персонажа.

Алексей Максимович Симцов, персонаж очерка «Бывшие люди», «толстый, как бочка» (Горький, 1987d, с. 157), прозван **Кубарем**. Как поясняет сам автор, прозвище метко очерчивает не только круглую фигуру персонажа, но и озвучивает его речь, похожую на жужжание. Кубарь – слово устаревшее. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова его значение раскрывается как «детская игрушка, волчок (устар.)» (1986, с. 267). Этот пример наглядно демонстрирует, насколько точно Горький подбирал прозвища, способные дать емкую портретную и поведенческую характеристику персонажа.

В основу очерка «Бывшие люди» легли юношеские впечатления М. Горького от жизни в ночлежке, что определило и главный предмет изображения – быт и психологию обитателей ее «дна», так называемых «бывших людей». «Еще вчера самый отверженный от общества, он (Горький. – *М. Т., С. С., А. А.*) ввел с собой целую армию таких же отверженных, но притом отверженных бесповоротно, – воров, убийц, профессиональных разбойников и грабителей, развратников, неисправимых пьяниц, отъявленных наглецов, и не только не выразил при этом чувства брезгливости или отвращения, но с увлекательной художественностью, даже с упоением начал рассказывать о той грязи, в которой они живут… И все эти Челкаши, Объедки, Кувалды, Кубари, Тяпы… пришли с Максимом Горьким и без всякого смущения расселись в гостиных и кабинетах “мыслящих” и “читающих” интеллигентов», – отмечает Е. А. Ляцкий (Цит. по: Курылев, 1988, с. 19).

«Бывший человек», механик Павел Солнцев имеет колоритное прозвище **Объедок**. Левый бок Солнцева перебит в драке, черные зубы разрушены болезнью, на его узких и костлявых плечах болтаются лохмотья, как на вешалке. Внешний вид персонажа действительно ассоциируется с объедком, остатком того, что раньше называлось человеком. Тяжесть жизни «съедает» его, но не до конца. Он продолжает бороться за выживание, как и другие жители ночлежки.

Еще один обитатель ночлежки – «высокий, костлявый и кривой на левый глаз человек, с испуганным выражением в больших круглых глазах, молчаливый, робкий, трижды сидевший за кражи по приговорам мирового и окружного судов. Фамилия его была Кисельников, но его звали **Полтора Тараса**, потому что он был как раз на полроста выше своего неразлучного друга дьякона Тараса» (Горький, 1987d, с. 158). В ночлежке Кисельников становится своеобразным эталоном высокого роста. С ним сравнивают других персонажей: «Ротмистр подумал, что, если б учитель встал теперь, он был бы такой же высокий, как Полтора Тараса» (Горький, 1987d, с. 183).

В повести «Горемыка Павел» прозвище получает полуторагодовалый ребенок, страдающий рахитом. Старуха Китаева в момент раздражения назвала его **Хреном**: «Прозвище Хрен как нельзя более шло к маленькому рахитику, старчески сморщенному, дряблому, фантастически искривленному болезнью, с маленьким сморщенным лицом» (Горький, 1987b, с. 201). Сопоставление с морщинистым и узловатым корнем растения хрен делает это прозвище исключительно наглядным и выразительным.

Персонаж рассказа «Васька Красный» прозван **Красным** «за его ярко-рыжие волосы и толстое лицо цвета сырого мяса» (Горький, 1987d, с. 177). Но это не единственное прозвище, которым он обладает. Автор поясняет, что Красным его называли товарищи, тогда как в совсем ином социальном контексте – в публичном доме – он известен как **Палач**, поскольку «любил истязать» девиц. Таким образом, оба прозвища характеризуют персонажа не только с внешней, но и с поведенческой стороны: авторская деталь (сравнение глаз с льдинами) и сюжетная функция (запугивание обитательниц дома) раскрывают его жестокую натуру. Наслаждение чужим страхом становится для него формой самоутверждения.

Отдельные прозвища горьковских персонажей основаны на этнических или исторических стереотипах. Ткача Никиту Рубцова («Мои университеты») коллеги нарекли **Немцем** за то, «что он брил бороду, оставляя тугие усы и густой клок седых волос под нижней губой» (Горький, 1984, с. 470). Войсковой начальник Покивайко («Городок Окуров») прозван **Мазепой** «за большие усы и толщину» (Горький, 1987b, с. 410).

Особую группу составляют иронические прозвища, построенные на антифразисе – обозначении через противоположность. Одиннадцатилетний герой рассказа «Роман» Яшка, «мальчик типографии», прозван **Чистяком**, хотя «всегда покрыт ровным колоритом грязи», за что наборщики дали ему более прямолинейную кличку **Рукомойник** (Горький, 1987c, с. 416). Семантика «грязи» получает в финале рассказа метафорическое развитие: повзрослевший Яшка, так и не сумев выбраться из «грязи» жизни, прожигает ее у кабацкой стойки.

Наконец, встречаются прозвища, мотивация которых прямо не объясняется автором, но легко восстанавливается из портретной характеристики. Подмастерье из повести «Детство» прозван **Цыганком**. Хотя прямое указание на причину отсутствует, портрет персонажа – смуглый, с «огромной кучерявой головой» (Горький, 1984, с. 48) – позволяет сделать вывод о внешнем сходстве. Примечательно, что прозвище, данное по внешности, коррелирует и с чертами характера: Цыганок не только весел, но и «нечист на руку», что соответствует стереотипу, распространенному в народе.

3. Прозвища, образованные от имени и выражающие субъективную оценку. Данные антропонимы часто содержат субъективную эмоциональную оценку, передаваемую с помощью суффиксов. Таким образом, их функция не ограничивается номинацией: они становятся средством характеристики моральных и физических качеств персонажа, а также его поведения.

Классическим примером служит мужичок из рассказа «Кирилка», которого господа называют **Кирилкой**. Уменьшительно-ласкательная форма здесь подчеркивает не столько личные качества героя, сколько его социально униженное положение. С. Касторский, анализируя этот образ, отмечает его двойственность: «Кирилка в присутствии господ смирен и тих, кажется бестолковым, пришибленным, в его голосе слышится какая-то виноватость. Но этот маленький, невзрачный мужичонка может вдруг предстать в другом виде. Так, неожиданно для рассказчика у Кирилки оказался “странно сильный голос” и умные “серые, бойкие и насмешливые глаза”» (1955, с. 412). Действительно, лишь рассказчик видит истинное лицо Кирилки. Подобно сказочному мужику у Салтыкова-Щедрина, Кирилка выручает господ, отдавая последний кусок хлеба, однако его великодушие расценивается как наивная простота. Таким образом, ирония, привносимая в прозвище уменьшительным суффиксом, становится средством создания социальной маски, порожденной самой системой классовых отношений.

В иных случаях прозвище, образованное от имени, носит откровенно оскорбительный характер. Еврея по имени Хаим из рассказа «Каин и Артем» называют **Каином**: «Это проще, чем Хаим, это имя более знакомо людям, и в нем есть много оскорбительного. Хотя оно и не шло к маленькой, испуганной, слабосильной фигурке, но всем казалось, что оно вполне точно рисует тело и душу еврея, в то же время обижая его» (Горький, 1949a, с. 412). Автор рассуждает о том, что люди, обиженные судьбой, обижают ближнего, ибо только так они могут мстить за себя. Хаим терпит гонения, и его виноватая улыбка интерпретируется как символическая плата за право существовать в чуждом обществе.

4. Прозвища, мотивированные конкретным случаем из жизни персонажа. Данный тип прозвищ обладает значительным сюжетообразующим потенциалом, поскольку через номинацию раскрывает ключевой эпизод в судьбе персонажа, выполняя тем самым не только характеризующую, но и нарративную функцию.

Яркой иллюстрацией служит случай Якова Зыкова, описанный в «Рассказе о необыкновенном». В основе сюжета – криминальная история, сделавшая героя главным подозреваемым. В ходе следствия выясняется, что в паспорте Зыкова допущена ошибка: «Заарестовали меня, и тут оказалось, что у меня пачпорт испорчен, буквы перепутаны: настоящее имя-прозвище мое Яков Зыков, а в пачпорте стоит Яков Языков» (Горький, 1952, с. 285). Эта бюрократическая описка, совпавшая с началом русско-японской войны, влечет за собой обвинение в уклонении от воинской повинности. В тюрьме насмешки над его ситуацией и внешностью кристаллизуются в прозвище: «Вовсе ты не Зыков и не Языков, а – **Язев,** потому что у тебя морда рыбья» (Горький, 1952, с. 287). Таким образом, прозвище становится звеном цепи драматических событий, вызванных случайной опечаткой.

Отдельного внимания заслуживают прозвища, возникшие из-за языковой ошибки или стилистического курьеза. Дьячок Василий Никифорович Коренев («Городок Окуров») получил прозвище **Вопияльский** за неоднократное использование слова «вопию» в прошении на имя владыки (Горький, 1987b, с. 464). Примечательно, что это прозвище оказалось настолько устойчивым, что передалось «по наследству» его сыну.

Наконец, прозвище может быть наречением, отражающим мгновенное впечатление. Юноша из очерка «Бывшие люди» получает от Кувалды прозвище **Метеор** за свою дерзость и внезапное, «эффектное» появление в среде босяков (Горький, 1987b, с. 158). Хотя в Толковом словаре Д. Н. Ушакова «метеор» определяется как нечто «внезапно появляющееся, производящее эффект и быстро исчезающее» (Толковый словарь…, 1935, ст. 198), судьба персонажа вступает в сложные отношения с этой семантикой: герой не исчезает, а остается в ночлежке,

и именно ему принадлежит ключевое для всего произведения определение босяков как «бывших людей». Это создает смысловую напряженность между буквальным значением прозвища и реальной сюжетной ролью персонажа, который не просто мелькнул, а оставил значительный след в сознании обитателей «дна».

5. Прозвища, связанные с профессиональной или другой деятельностью именуемого лица. Данный тип прозвищ восходит к исторической традиции именования людей по роду их занятий, что впоследствии стало одним из источников формирования русских фамилий.

Такое прозвище встречается в рассказе «Отшельник». Старичок, уединенно живущий в пещере, повествует рассказчику историю своей жизни: «Я семнадцать лет бревна резал, вот и рожу мне пила распахала. Так и прозвали меня – **Савел Пильщик**. Пилить – это, дружба, не легкая занятия: машешь, машешь руками в небо, а на роже сетка, а над головой – бревна, и ничего не видать, и опилок на тебя сыплется – беда!» (Горький, 1952, с. 5). Кроме того, прозвище напрямую связано с физическим увечьем персонажа. Несчастный случай изуродовал лицо деда Савела, у которого «левая щека разрезана от уха до подбородка глубоким шрамом». Данное обстоятельство делает номинацию комплексной, связывающей род занятий с внешним обликом и личной историей персонажа.

6. Прозвища, мотивированные этнической принадлежностью. Подобные прозвища часто возникают на основе стереотипных представлений о внешности или происхождении человека.

Для героя пьесы «На дне» **Татарина** этническое прозвище становится единственным «паспортом», вытесняя собственное имя – оно упоминается эпизодически. Религиозные убеждения Татарина, основанные на исламе, формируют стержень его личности. Он верит в высшую справедливость и закон, которые для него являются абсолютными. Его вера контрастирует с отсутствием каких-либо убеждений или формальным православием других персонажей.

Хотя прямые цитаты из Корана в речи Татарина не звучат, его поведение и призывы к честности и закону во многом продиктованы религиозным мировоззрением: «Не обижай человека – вот закон!» (Горький, 1987b, с. 626). Для **Князя** (второе прозвище героя) «закон» (и светский, и божественный) – значит «душа иметь». Он живет в соответствии с этими правилами, даже находясь на «дне» общества. Герой верит в достоинство человека вне зависимости от социального статуса и призывает товарищей по несчастью к взаимоуважению.

7. Прозвища с неясной или гипотетической мотивировкой.

Примером является прозвище ротмистра в отставке Аристида Фомича **Кувалды**, который содержит ночлежку босяков («Бывшие люди»). Мотивировка прозвища в тексте не объясняется, но в статье «О том, как я учился писать» М. Горький сообщает: «Изображенного мною в “Бывших людях” содержателя ночлежки Кувалду я увидел впервые в камере мирового судьи Колонтаева. Меня поразило чувство собственного достоинства, с которым этот человек в лохмотьях отвечал на вопросы судьи, презрение, с которым он возражал полицейскому, обвинителю и потерпевшему – трактирщику, избитому Кувалдой» (Горький, 1940, с. 45). Таким образом, прозвище перешло в текст из жизни, и его мотивировка осталась за пределами художественного повествования.

Иногда прозвище, даже при отсутствии прямой авторской мотивировки, обладает яркой образностью, позволяющей строить правдоподобные гипотезы. Сапожник Горьков в рассказе «Нилушка», «худой, как скелет», прозван **Чуланом** (Горький, 1979, с. 56-57). Сравнение с чуланом – тесным, пустым помещением – создает зримый образ его истощенности и, возможно, замкнутого характера. Учитель Кузьмин («Отшельник») прозван **Сундуком**, что также наводит на мысли о его внешности или скрытности.

Особый случай – прозвище, полностью вытеснившее имя и ставшее единственным идентификатором персонажа. В романе «Трое» «черную, огромную, басовитую» женщину зовут **Матицей** (Горький, 1987e, с. 251). В диалоге выясняется, что ее настоящее имя – Анна, но «никто не знает» об этом. В данном контексте «Матица» (главная балка в избе) служит метафорой ее силы, основательности и, возможно, главенствующей роли в семье.

8. Завершая классификацию, следует выделить особый тип прозвищ, которые даются не отдельному лицу, а целой группе людей, объединенных по какому-либо признаку. Такие прозвища выполняют обобщающую и типизирующую функцию, создавая коллективный образ определенного социального типа. Яркий пример находим в рассказе «Пожар»: «Он читал книжки и даже – говорили – сочинял стихи барышням Карахановым; их было семь, все они ходили в одинаковых платьях, и, должно быть, за это – улица звала их – “**семь дур Карахановых**”» (Горький, 1949b, с. 18).

Заключение

Прозвища в художественном мире Максима Горького представляют целостную и развивающуюся художественную систему, органически связанную с ключевыми принципами его поэтики: стремлением к типизации, обостренным вниманием к «человеческому духу», интересом к маргинальным, «босяцким» слоям общества и поиском в них скрытой духовной силы. В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

В ходе анализа было выделено восемь типов прозвищ, каждый из которых решает определенную художественную задачу. Прозвища, мотивированные особенностями поведения и внешности, служат для прямой характеристики персонажей, выполняя характерологическую и описательную функции. Производные от имен и связанные с профессиональной деятельностью прозвища не только идентифицируют героя, но и несут социально-оценочную окраску, подчеркивая его место в обществе. Сюжетно-мотивированные прозвища обладают нарративным потенциалом, раскрывая ключевые эпизоды биографии героя, в то время как этнические прозвища и прозвища с неясной мотивировкой часто создают сложный психологический портрет, вовлекая

читателя в процесс интерпретации. Особую группу составляют коллективные прозвища, которые типизируют и обобщают целые социальные группы, отражая «фольклорное» сознание массы. Предложенная классификация наглядно демонстрирует, что прозвища в творчестве Горького участвуют в создании многогранных характеров, углубляют социальный и психологический подтекст произведений и служат важным средством выражения авторской позиции, существенно обогащая идиостиль писателя.

Перспективы дальнейшего исследования видятся нам, во-первых, в дальнейшем изучении функций прозвищ у Горького, которые лежат в русле обновленного горьковедения – они предполагают комплексный подход, сочетающий традиционное литературоведение с лингвистикой, социологией и культурологией. Эта тема позволяет перейти от анализа единичных примеров к системному пониманию того, как через, казалось бы, второстепенную деталь создается целостная художественная картина мира, отражающая и социальные противоречия, и философские взгляды, и поэтическое новаторство писателя.

Материалы исследования | Research materials

1. Горький М. Детство. В людях. Мои университеты. Пьесы. М.: Художественная литература, 1984.
2. Горький М. Жизнь Клима Самгина (сорок лет): повесть: в 3 кн. М.: Художественная литература, 1987a. Кн. 1.
3. Горький М. Избранные произведения: в 3 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 2. Мать. Дело Артамоновых.
4. Горький М. О том, как я учился писать книги. М.: Гослитиздат, 1940.
5. Горький М. По Руси. М.: Художественная литература, 1979.
6. Горький М. Рассказы. Повести. Пьесы. М.: Художественная литература, 1987b.
7. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1949a. Т. 13. Рассказы. 1896-1899.
8. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1949b. Т. 14. Повести, рассказы, очерки. 1912-1923.
9. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1952. Т. 16. Рассказы, повести. 1922-1925.
10. Горький М. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Советская Россия, 1987c. Т. 1. Рассказы. 1892-1897.
11. Горький М. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Советская Россия, 1987d. Т. 2. Рассказы, очерки. 1897-1915.
12. Горький М. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Советская Россия, 1987e. Т. 4. Фома Гордеев. Трое.
13. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1986.
14. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935. Т. 2. Л – Ояловеть.

Источники | References

1. Азрямова О. В., Иващенко Ю. Ю. Литературная антропонимика в системе романов Л. Н. Толстого // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3 (46).
2. Биктирякова М. Д. Виды имен в сборнике рассказов Тамары Михеевой «Доплыть до грота» // Актуальные исследования. 2020. № 23-1 (26).
3. Бялик Б. А. Эстетические взгляды Горького. Л.: Гослитиздат, 1939.
4. Горбаневский М. В. В мире имен и названий. М.: Знание, 1987.
5. Горлова Г. Н. Именования-прозвища персонажей в художественном тексте: социокультурный и стилистический аспекты // Гуманитарные исследования. 2019. № 1 (69).
6. Касторский С. Статьи о Горьком. Л.: Советский писатель, 1955.
7. Комлева Н. В. Роль прозвищ в произведениях В. И. Белова // Ономастика Поволжья: материалы XIX Международной научной конференции, посвящённой 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В. И. Даля. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2021.
8. Крюкова О. С. Репрезентация национальной идентичности в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Максим Горький и мировая культура / под ред. Л. А. Спиридоновой. М.: ИМЛИ РАН, 2023. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0693-2-607-613
9. Курылев В. И. Философско-этические воззрения А. М. Горького. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1988.
10. Курячая А. Г. Прозвища в произведениях М. А. Шолохова // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 2 (45).
11. Михайловский Б. В., Тагер Е. Б. Творчество М. Горького. М.: Просвещение, 1969.
12. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.
13. Пронченко С. М. Типы имён собственных и их функции в цикле М. Горького «Сказки об Италии» // Мир русского слова. 2014. № 4.
14. Сазонова Н. С. Фольклорные мотивы в рассказе М. Горького «Страсти-мордасти» // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сб. материалов международной научной конференции. Тамбов: Принт-Сервис, 2017. Вып. 8.
15. Скуридина С. А. Ономастический код художественных текстов Ф. М. Достоевского: автореф. дисс. … д. филол. н. Воронеж, 2020.

16. Тагер Е. Б. Творчество Горького советской эпохи. М.: Наука, 1964.
17. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990.

Информация об авторах | Author information

RU

Тростина Марина Александровна[1], к. филол. н., доц.
Степин Сергей Николаевич[2], к. филол. н., доц.
Артемьев Алексей Сергеевич[3]
[1, 3] Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск
[2] Мордовский педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск

EN

Marina Aleksandrovna Trostina[1], PhD
Sergey Nikolaevich Stepin[2], PhD
Aleksey Sergeyevich Artemyev[3]
[1, 3] Ogarev Mordovia State University, Saransk
[2] Evseviev Mordovian State Pedagogical University, Saransk

[1] *trostina@mail.ru,* [2] *stepin.73@mail.ru,* [3] *arlendokopiano@gmail.com*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.11.2025; опубликовано online (published online): 08.12.2025.

Ключевые слова (keywords): русская проза начала XX века; М. Горький; идиостиль Горького; художественная антропонимика в прозе Горького; прозвище в произведениях Горького; Russian prose of the early 20th century; M. Gorky; Gorky's individual style; literary anthroponymy in Gorky's prose; nickname in Gorky's works.